
Д. М. БОНДАРЕНКО

ГОСУДАРСТВО КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

В рамках подавляющего большинства современных теорий государство рассматривается как специализированный централизованный институт управления обществом, обладающий узаконенным правом на применение насилия. В противоположность данному утверждению наш подход основан на понимании государства не просто как особой системы политических институтов, но в первую очередь – как типа общества, которому эта система институтов адекватна. Отсюда вытекает трактовка исторической динамики родственных и территориальных связей и ряд других концептуальных положений.

Ключевые слова: теория государства, социальная история, государство, общество, социальные связи, родство, территориальность, политические институты, политическая централизация, специализация управления, бюрократия, легитимное насилие, европоцентризм.

Государство как тип социума

В мировой науке предложено множество дефиниций государства. Их практически нереально свести к одному «обобщающему» определению, но все же можно утверждать, что в подавляющем большинстве современных теорий государства оно рассматривается как система специализированных и централизованных институтов управления обществом, к чему нередко добавляется узаконенное право государства на применение насилия как его важнейшая характерная черта (см., например, определения в энциклопедических и учебных изданиях: Abélès 2000; Kottak 2002: 104, 242, 269, 509; Крадин 2004: 268; Ferraro, Andreatta 2011: 319–320, 429). Подход, развиваемый в данной статье, основан на понимании государства не только как особой системы политических институтов, но прежде всего как типа общества, которому эта система адекватна, – «государственного общества» (Bondarenko 2008).

В некоторых случаях имеет смысл в аналитических целях различать два аспекта государства и вести о нем речь в политическом

и социальном смысле. Общество – явление более широкое. С одной стороны, в нем политические характеристики дополняются и переплетаются с социальными (а через них – и с экономическими). С другой же стороны, социальная и политическая подсистемы общества часто развиваются асинхронно, причем быстрее эволюционирует вторая, достигая параметров системы управления государственного типа раньше, чем в социальной подсистеме территориальный принцип организации начинает преобладать над родственным¹. Как пишут А. Джонсон и Т. Ёрл, «тогда как в вождествах руководство осуществляется общими региональными институтами, в государствах возросший уровень интеграции требует для выполнения задач контроля и управления специализированных региональных институтов... С ростом разработанности аппарата управления приходит и рост стратификации. Теперь элиты не связаны узами родства с населением, которым управляют...» (Johnson, Earle 2000: 304).

Мы полагаем, что ученый может использовать любое определение государства, если оно внутренне непротиворечиво, удовлетворяет задачам конкретного исследования и используется последовательно на всем его протяжении. Однако в рамках общей теории понятие государства не следует редуцировать до его политического компонента, иначе «смешиваются два независимых понятия – государство и государственный институт» (Белков 1993: 32). Например, это допускают создатели концепции архаического государства, для которых оно – лишь «политический или управленческий элемент» общества (Marcus, Feinman 1998: 4). В трудах последнего времени А. Тестар прямо пишет, что «государство есть нечто политическое», а «возникновение государства – это политический факт» (Testart 2012: 105, 107). В противоположность таким подходам Х. Классен открыто заявляет, что государство – «это особый вид социальной организации, выражающий особый тип общественного устройства» (Claessen 2003: 161). Именно такое видение всецело совпадает со взглядом автора данной статьи.

¹ Правда, так происходит не всегда: важнейшим исключением является Европа, в ряде регионов которой (Греции, Италии, Скандинавии) однолинейные родственные институты исчезли уже на грани бронзового и железного веков, уступив место нуклеарной семье и территориальной соседской общине (см., например: Roussel 1976; Фролов 1988: 79–80; Дождев 2002; Earle 1997: 25–26, 163; Kristiansen 1998: 45, 46).

Холистический подход к государству, рассматриваемому как тип социума, которому соответствует определенная система политических институтов, предопределяет особое внимание к выдвижению в государственном обществе на передний план неродственных (территориальных) связей – обстоятельство, игнорируемое в современных определениях государства, авторы которых видят в нем лишь форму политической организации. Однако, как известно, первые теоретики государства в антропологии Г. Мэйн (1873; 1876) и Л. Морган (2012) противопоставляли основанные на родстве догосударственные социумы (*societas*) территориально-организованным обществам государственным (*civitas*). При этом уже на заре XX века Г. Шурц (Schurtz 1902) (а окончательно – в середине столетия британские структуралисты и американские боасианцы) наглядно показал, что Мэйн и Морган (как и следовавший за Морганом Ф. Энгельс [1985]) противопоставляли два принципа организации общества чрезмерно жестко. Ими и рядом других ученых были приведены убедительные свидетельства важности территориальных связей в негосударственных социумах. В результате уже в 1965 году Дж. Льюис имел все основания утверждать, что принципиально территориальный характер социальных и политических связей в целом в самом деле обычно считается само собой разумеющимся и относящимся к сегментарным лиnidжным обществам в той же мере, что и к другим типам общества.

Год спустя Э. Уинтер категорично утверждал, что хотя дихотомия родства и территориальности была «полезна», когда ее ввел Мэйн, «то время миновало» (Winter 1966: 173). Примерно с тех же годов археологи и антропологи без колебаний пишут о территориальности как атрибуте даже наиболее архаических культур – неспециализированных охотников-собирателей (Campbell 1968; Casimir, Rao 1992; др.). Наконец, социобиологи, основываясь прежде всего на этнографических материалах по тем же обществам, утверждают, что «чувство территориальности» (ощущение определенной территории как своей и нежелание допускать на нее чужаков) – черта, присущая людям изначально, унаследованная от дочеловеческих предков (Ardrey 1966; Malmberg 1980).

Со своей стороны, историки (в особенности медиевисты) продемонстрировали, что типологически не-, а по происхождению –

догосударственные институты родства сохраняли большое значение в доиндустриальных государственных обществах. С. Рейнолдс даже сетовала, что хотя «все, что мы знаем о средневековом [западноевропейском] обществе, не оставляет сомнений в важности родства, <...> мы (медиевисты. – Д. Б.) в прошлом были склонны сосредотачиваться на родстве в ущерб другим связям» (Reynolds 1990: 4). Что же касается археологов, то к середине 1950-х годов «опыт полевых исследований показывал снова и снова, что тысячи лет и во многих широтах родственные связи сосуществовали с докапиталистическим государством» (Mitta 1980: XXI). В итоге стало понятно, что проблема родственного и территориального начал в организации социума – всегда вопрос соотношения между ними, а не присутствия или отсутствия одного из них, хотя общая тенденция социальной истории и в самом деле состоит в постепенном все большем замещении родственных институтов территориальными. При этом А. Тестар настаивает на исключении контроля над ясно очерченной территорией из определения государства, обращая внимание на то, что увязывание государства как коллектива сограждан с определенной территорией является лишь правовой традицией Нового времени (Testart 2005: 81–82)². Действительно, в архаических обществах власть суверена, как правило, воспринимается как власть над людьми, а не некой частью земной поверхности (см., например: Копыtoff 1987).

Таким образом, нельзя не признать, что М. Фрид был предельно точен, утверждая, что государство базируется не на неродственной, а на «надродственной» социальной основе (Fried 1970: 692–693).

Принимая во внимание вышесказанное, мы тем не менее согласны, что «наиболее фундаментальное... различие (между государственными и негосударственными обществами. – Д. Б.) – то, что государства организованы по политическому и территориальному принципу, а не по родственному принципу...» (Diamond 1997: 280). Следовательно, мы также считаем «родство – территориальность» правомерным и заслуживающим внимания критерием различения государственных и негосударственных обществ (Bondarenko 2008: 19–22). Показательно, что даже высокоразвитые негосударствен-

² Пусть и корнящейся в политическом и идеологическом наследии Средневековья – достаточно вспомнить трансформацию меровингского титула «король франков» в каролингский «король Франции» (Claessen 1985).

ные общества, например сложные вождества, принято характеризовать как родственные в своей основе (см., например: Earle 1997: 5; Milner 1998: 2; Grinin 2011: 247–248, 254; Sneath 2011: 146–149). Что должно быть четко осознано и не забываться при использовании этого критерия, так это его эволюционная природа: «Деления [в обществе], основанные на родстве, *постепенно* (курсив мой. – Д. Б.) утрачивают значение в пользу институциональных, политических и экономических делений» (Tymowski 2008: 172). В этом смысле история есть континуум социально-политических форм, располагающихся в типологической последовательности. В последовательности можно обнаружить и общую динамику от большей к меньшей важности родственных связей в сравнении с территориальными, которая в итоге привела к тому, что «родство и другие типы аскриптивных отношений перестали быть центральными организующими принципами общества» (Hallpike 1986: 1). Итак, ни в коем случае не стоит ожидать скачка от полного (или даже почти полного) доминирования родства к абсолютному преобладанию территориальных связей.

Мы не будем утверждать (в противоположность Г. Мэйну, Л. Моргану и Ф. Энгельсу), что государство в полном смысле слова, т. е. в его и социальном, и политическом значении, начинается тогда, когда территориальное деление общества вытесняет родственное практически полностью. Однако мы также не согласны с Х. Классеном, полагающим, что «зачаточное», но все же государство может «ассоциироваться с доминирующими в политической сфере родственными, семейными и общинными связями» (Claessen 1978: 589)³. Наша позиция – промежуточная между постулатами классиков эволюционизма XIX века и концепцией «раннего государства», главным создателем которой является Х. Классен. Помня старую идею о доминировании в государстве территориальных связей над родственными и учитывая вышеупомянутые достижения антропологов и историков XX века, мы исходим из того, что о государстве в полном смысле слова (государственном обществе) следует вести речь в ситуации, когда территориальные связи явно (но не подавляюще) доминируют над родственными на надлокальных уровнях сложности со-

³ См. нашу дискуссию с Х. Классеном по этому вопросу: Bondarenko 2008: 23; Claessen *et al.* 2008: 245–246.

циума. Этот порог ниже установленного Мэйном и Морганом, но выше приемлемого для Классена и его последователей.

Фактически, в нашем понимании, «завершенное государство» (государственное общество) соответствует только «переходному раннему государству» в «канонической» схеме эволюции раннего государства, «в котором в административном аппарате преобладали назначенные чиновники и где родство влияло только на отдельные второстепенные аспекты управления...» (Claessen 1978: 589). Что касается государства в узком, сугубо политическом смысле – «незавершенного государства», то таковым можно считать «типичное раннее государство»: «вид государства, в котором родственные связи [еще только] уравновешивались территориальными, <...> [но] где чиновники и обладатели титулов-не-родственники [уже] играли ведущую роль в системе управления...» (*Ibid.*). Безусловно, такие категории, как «явное (но не подавляющее) доминирование», недостаточно четко определяемы и даже оставляют слишком много возможностей для проявления субъективизма и волюнтаризма исследователя – не как, например, при определении государства через категорию «отсутствие родственных связей». Но такая «мягкая» категоризация отражает и передает эволюционный характер, постепенность процесса формирования государства.

На еще один важный момент обратил внимание Д. Андерсон: «...существует огромное количество социальных и природных факторов, способствующих организационной нестабильности в вождествах, среди которых тот факт, что наследование власти основывалось на родстве и поэтому сколько угодно близких родственников вождя имели право занять его место, был, возможно, наиглавнейшим фактором, неизменно приводившим в таких обществах к непрерывной конкуренции между группировками и вооруженным столкновениям между соперничающими элитами» (Anderson 1997: 253). Это утверждение лежит в русле концепции Р. Коэна, постулирующего способность государства противостоять распаду как его важнейшую характерную черту (Cohen 1981). Вероятно, Коэн излишне категоричен (ср.: Adams 2001: 353–356), но все же, как представляется, есть фактические и теоретические основания считать государство в целом более прочной социально-политической конструкцией, нежели догосударственные сложные общества (Tainter 1988: 27). Залогом относительно большей устойчиво-

сти государства стали замена родства как базового организационного принципа территориальностью и появление в неразрывной связи с этим (Diamond 1997: 281; Bondarenko 2006: 64) специализированной профессиональной администрации.

Надежно верифицируемым источником признаком выдвижения на передний план территориальных связей (т. е. сложения «законченного государства») нам видится получение верховной властью права и практической возможности по своему усмотрению перекраивать традиционное, в основе своей общинное, членение территории страны. Если это так, то есть основания утверждать, что даже если эти родственные образования сохраняют изначальную структуру и внутреннее самоуправление, они уже не более чем административные (в том числе налоговые) единицы государственного общества. Для такой ситуации естественно, что они управляются лицами, назначенными или утвержденными вне общины – в политическом центре регионального или еще более высокого уровня. Особенно наглядные примеры вышесказанного дает Ближний Восток III–II тыс. до н. э.

Для раннего государства жизненно необходимо подчинить общину, адаптировать ее к своим нуждам: в противном случае политическая система быстро приходит в упадок (как, к примеру, в Кенедугу и державе Самори – западноафриканских политических образованиях XIX века, см.: Tymowski 1985; 1987: 65–66). В успешном государстве верховная власть не развивает далее общинную «матрицу», «а наоборот, начинает реструктуризировать общество по своему подобию» (Беляев 2000: 195). Как справедливо отмечает Д. Куртц, «сокращение влияния на граждан [социально-политической] организации локального уровня» есть «главная цель» легитимационных стратегий государств (Kurtz 1991: 162). Если этого удастся добиться, происходит «охват локальной сферы государством» (Tanabe 1996: 154), т. е. именно оно определяет форму и суть социально-политических институтов более низкого уровня, отношений в них. Действительно, даже в очень сложных негосударственных обществах, не менее сложных, чем многие ранние государства, наблюдается ситуация, при которой охват всей социально-политической конструкции происходит не «сверху» (как должно быть в государстве), а «снизу» – с уровня локальной общины. Государство стремится охватить все сферы об-

щественной жизни, включая такую важную, как семейная (Trigger 2003: 194, 271, 274), и с его становлением ситуация, когда локальные институты (семья, линидж, община) прямо влияли на форму и суть институтов надлокальных, меняется на противоположную. Как и само появление и существование бюрократии, это становится возможным именно благодаря выдвигению на передний план территориальных связей: только в таких условиях человек, не связанный родственными узами ни с кем из членов общины, может эффективно выполнять функции главы или «куратора главы» общины, будучи назначенным извне. Реальность этого может служить еще одним верифицируемым признаком государственного характера общества.

Отличительные признаки государства

Сегодня в основе теории государства в антропологии лежат две приписываемые ему характеристики: политическая централизация (понимаемая как «“концентрация” власти в руках немногих» [Roscoe 1993: 113], или «степень связи между различными подсистемами и элементами управления высшего порядка в обществе» [Flannery 1972: 409], либо в обоих смыслах) и специализированная администрация (система управления, в которой задействованы профессионалы, т. е. бюрократы, каждый из которых не выполняет все управленческие функции в отношении подвластного населения, а отвечает за определенный «участок работы»). Также практически общепризнано, что «тенденция к бюрократизации в раннем государстве была тесно связана с централизацией» (Skalník 1978: 600).

По нашему мнению, вопреки историографической традиции, политическая централизация не должна считаться специфически государственной чертой, поскольку она присуща многим негосударственным формам социума, включая, в частности, вождество – «автономную политическую единицу, состоящую из некоторого количества деревень или общин, находящихся под постоянным контролем верховного вождя» (Carneiro 1981: 45). Политическая централизованность как фундаментальная характеристика вождества подчеркивается едва ли не в каждом его определении (Service 1971: 134; Wright 1977: 381; Earle 1991: 1; Carneiro 1998: 19; Spencer 1998: 5). Еще более политическая централизованность очевидна в сложном вождестве – автономной политической единице, состоящей из некоторого количества вождеств, находящихся под

постоянным контролем верховного вождя одного из них (см., например: Earle 1978: 173–185; Pauketat 1994; Johnson, Earle 2000: 301–303). «...Централизованность – яснейший индикатор вождества», – резюмирует в известном обзоре Т. Ёрл (Earle 1987: 289; ср.: Крадин 1995; Beliaev *et al.* 2001).

Более того, при определенных условиях власть может быть централизована даже в простых – не имеющих надобщинных институтов управления – обществах (Sahlins 1963; Godelier 1982; Godelier, Strathern 1991; Redmond 1998: 3). При этом в исследованиях государственных обществ в последние десятилетия обнаруживается «явный отход от взгляда на государства как высокоцентрализованные, всемогущие сущности в сторону гетерогенной модели, учитывающей вариативность государственной/городской организации и исследующей пределы государственной власти в рамках более широкого общества» (Stein 1998: 10; ср.: McIntosh 1999).

В то же время специализация управленческого аппарата, выражающаяся в его профессионализации, – особенность именно и исключительно государств. Не случайно в ее появлении ученые обычно видят грань между государством и всеми негосударственными формами социально-политической организации, включая политически централизованные и сложные вождества (в частности, см.: Fried 1967; Wright 1977: 381–385; Earle 1978: 1–7; Claessen 1987; Годинер 1991; Кочакова 1991; 1995: 158; Белков 1995: 171–175; Крадин 1995: 44; Marcus, Feinman 1998: 4; Spencer 1998; Johnson, Earle 2000: 245–329). В конечном счете Э. С. Годинер (1991: 51) в целом права, отмечая, что любая, даже самая сложная теория сводит государство к «специализированному институту управления обществом». Мы согласны с тем, что, в частности, вождества – это «общества с централизованной, но не специализированной внутренне властью», а государства – «общества с централизованной и также внутренне специализированной властью» (Spencer 1998: 5; ср.: Earle 1987: 289). Как подчеркивал Ш. Айзенштадт (Eisenstadt 1971: 74, 76), государства и не-государства различаются не наличием или отсутствием политической централизации, а «степенью структурной дифференциации, с которой они представляют себя... О примитивных (догосударственных. – Д. Б.) обществах поэтому можно сказать, что в них наличествует децентрализованная центральность, если это выражение не слишком пара-

доксально». Государственная администрация с этой точки зрения является бюрократической по самой своей природе (см.: Spencer 2003; Cohen 1978; Britan, Cohen 1983; Marcus, Feinman 1998; Spencer, Redmond 2004; Bondarenko 2006; Llobera 2007; Claessen 2008; Kradin 2008; 2009).

Действительно, административный аппарат становится специализированным, когда он «наполняется» профессиональными управленцами, которые и образуют бюрократию. И хотя некоторые исследователи отмечают, что в ранних государствах бюрократический аппарат может быть развит довольно слабо (Kristiansen 1998; Johnson, Earle 2000; Claessen 2003; Chabal *et al.* 2004; Крадин 2004; Гринин 2007; Гринин, Коротаев 2009), все же его наличие необходимо для признания политической системы того или иного общества государственной. А. Тестар (Testart 2004) предпринял попытку создать концепцию «добюрократического» государства как исторического предшественника государства «бюрократического». По его мнению, политическая система «добюрократических государств» базировалась на личной преданности монарху его придворных, рабов, побратимов, клиентов, наемников, приживал и должников. Эта концепция, безусловно, фиксирует важный механизм процесса становления государства, наиболее ярко представленный в обширной литературе по дружине в средневековой Европе. Следует обратить внимание на то, что все те, о ком пишет Тестар, были людьми, по тем или иным причинам выпавшими из родственной сети (как «настоящие» бюрократы) и потому вынужденными (или могущими) сохранять верность только монарху, зависеть исключительно от него, служить ему и тем самым усиливать центральную, надродственную и надобщинную, власть. Однако большинство обществ, рассматриваемых Тестаром (скифы, средневековые монголы, ряд королевств доколониальной Африки и др.), были организованы на принципах родства не только политически, но и социально. Даже абстрагируясь от факта естественного отсутствия в таких условиях бюрократии, их нельзя считать государствами (Гутнов 2002; Крадин, Скрынникова 2006; Vansina 1992; Skalník 2002).

По нашему мнению, слабый момент в высокопрофессиональной работе Тестара – его (как и многих других⁴) следование вебе-

⁴ В том числе – классиков политической антропологии (Wittfogel 1957: 239; Service 1975: 15).

ровскому постулату о том, что государство отличается наличием у управляющих монополии на легитимное применение физического насилия (Weber 1946). Монополия на насилие, определенная в столь общем виде, как у М. Вебера, может наблюдаться и во многих несомненно безгосударственных обществах (даже с учетом уточнений по поводу термина «монополия» [Testart 2005; Vliet 2005])⁵. К примеру, было ли незаконным, а следовательно, могущим столкнуться с законным сопротивлением, использование насилия членами африканских и меланезийских тайных обществ или полинезийскими вождями? Безусловно, именно такого рода факты учитывал А. Рэдклифф-Браун, экстраполируя веберовское определение на общества всех типов – не только государственные: «Политическая организация общества – это тот аспект [его] организации в целом, который отвечает за контроль и регулирование применения физического насилия» (Radcliffe-Brown 1987: XXIII).

С Рэдклиффом-Брауном в этом вопросе были согласны многие его ученики и последователи – антропологи-структуралисты середины XX века (Fortes, Evans-Pritchard 1987; Mair 1965; 1970). В противоположность им марксисты без тени сомнения рассматривают силу принуждения как особенность исключительно государства – аппарата насилия экономически господствующего класса, но их подход более специфицирован, нежели максимально широкий подход Вебера: для них государство от не-государства отличает использование властью не любого насилия, но только основанного на классовом антагонизме. Этот постулат и есть ядро марксистского «классового подхода» к феномену государства. Неоэволюционисты же спорят о том, был ли связан сам процесс становления государства с силой принуждения или «предгосударство» еще функционировало в интересах всего народа, а выражать и защищать посредством утверждения монополии на применение насилия интересы лишь его части политическая система начала только в момент появления государства (так называемая контроверза Фрида – Сёрвиса).

⁵ Классен обращает внимание еще на один аспект проблемы: хотя «во всех политиях... обнаруживаются попытки центрального правительства... защищать нормы, ценности, правила и постановления и во имя этого – стремление монополизировать насилие, на практике никто никогда не преуспел в этом полностью» (Claessen 2005: 156–157).

Еще одна проблема с веберовским постулатом вытекает из того факта, что даже в государствах Древнего Востока, знаменитых крепостью монархических режимов и кодифицированностью права, открыто провозглашавшего монополию власти на насилие абсолютно законной, справедливость такого положения дел нередко ставилась под сомнение различными социальными и политическими деятелями, включая части элиты (Glassner 2004). Действительно, многие правители ранних государств не могли похвастаться обладанием монополии на применение насилия (Carneiro 1981; 1987; 2012; Геллнер 1991; Гринин 2006). Даже реальное право на принуждение не должно ставиться в центр теории государства, так как оно величина зависимая: если это право и узурпируется властью предрержащими, то это происходит в результате двустороннего процесса легитимации, в котором ожидания простых людей должны быть поняты и учтены в государственной идеологии, чтобы достичь их согласия на существование данной власти. Никакой политический режим не в состоянии держаться исключительно или даже преимущественно на насилии в течение долгого времени (Trigger 1985; Beetham 1991; Claessen 1994; Claessen, Oosten 1996; Kurtz 2001).

Что касается современности, К. Гирц обратил внимание на очевидный факт, что использование концепции государства как института осуществления «монополии на легитимное применение физического насилия» на определенной территории оказывается слишком проблематичным, когда речь идет о большинстве государств третьего мира. Благодаря характерным для них трайбализму, регионализму, сепаратизму и другим явлениям подобного рода, монопольное право центральной власти на насилие открыто или нет, но в любом случае постоянно и в целом успешно дискредитируется, тогда как лояльность граждан в большей мере направляется на негосударственные институты (Geertz 2004). Следует учитывать и то, что современные государства имеют весьма различающуюся историю, по-разному отразившуюся в коллективной памяти, менталитете, политической культуре их народов, что, в свою очередь, прямо влияет на сущность соответствующих государств (Karferer 2012). Это также служит основанием для многих политических антропологов разделить мнение о непригодности веберовской формулировки наиболее сущностной черты государства для исследо-

вания процессов его образования и развития в современном мире. Они утверждают, что теория современного государства, если она основывается на постулате о монополии государства на узаконенное насилие, не может претендовать на универсальную применимость; максимум, что она может, – оказаться релевантной в небольшом количестве конкретных случаев (Nustad 2002).

Таким образом, ключевым становится вопрос: кто обладает законной монополией на применение насилия и как она легитимирована? По нашему мнению, специфика монополии на узаконенное насилие в государственном обществе именно в ее осуществлении профессиональными управленцами – бюрократами – в рамках и посредством механизмов бюрократических политических институтов. Наличие «институализированных бюрократий» – одна из «базовых характеристик... лежащих в основе государственной формы организации» и проявляющихся во всех обществах, которые правомерно называть государствами, включая древнейшие – “первичные”» (Haas 1995: 18; ср.: Johnson, Earle 2000). В то же время даже в наиболее сложных негосударственных обществах, таких как союзы племен или сложные вождества, система управления не была бюрократической.

Феномен государства в контексте современных научных и общественно-политических дискуссий (вместо заключения)

Подход к феномену государства, основанный на выявлении его универсальных черт, в XX веке стал в равной мере характерен для марксистов, неозволюционистов и структуралистов. Однако в настоящее время этот подход, коренящийся в европейской политической, философской, правовой и антропологической мысли начиная с античности (Service 1978; Гомеров 2002; Грачев 2009), иногда жестко критикуется и даже отвергается как проявление «колониального дискурса», но в первую очередь – на том основании, что, претендуя на универсальность, он исторически отражает исключительно западный подход к феномену государства и даже якобы основан на историческом опыте одной лишь Европы, а в наиболее радикальной версии – только буржуазной Западной Европы Нового времени (Entrèves 1969; Vincent 1987; Белков 1993; 1995; Creveld 1999). Критика впервые возникла более полувека назад среди ученых третьего мира, в эпоху деколонизации стремившихся обосновать всесторонность своеобразия и уникальность родных культур

(Diop 1960; Diagne 1970). Но с 1980-х годов такой взгляд на проблему государства начал проявляться и в европейской теоретической мысли (Skalnik 1983; 1987; Southall 1991; Gledhill 1994; Oosten, Velde 1994; Lielukhine 2002).

Характерные черты, наиболее часто приписываемые государству как универсальные, без труда можно обнаружить во многих неевропейских обществах, в частности в азиатских, начиная с древности. Нередко государственнические черты азиатских обществ даже преувеличиваются и демонизируются, самым известным примером этого является концепция «восточного деспотизма». Несмотря на всю критику в ее адрес (один из недавних примеров – Fukuyama 2011), концепция «восточного деспотизма», восходящая к европейской античности (Gunawardana 2009), сформулированная в эпоху Просвещения (в первую очередь Ш. Монтескьё, см.: Launay 2001) и приобретшая особую популярность благодаря книге К. Виттфогеля (Wittfogel 1957), использовавшаяся колонизаторами для обоснования своей «цивилизаторской миссии» (Harlow, Carter 2003), находит сторонников и в XXI веке (Непомнин 2004; Lane 2008).

В данном контексте представляются релевантными наши идеи о «цивилизационных моделях политогенеза» (Бондаренко, Коротаев 2002) и «типах цивилизационного развития» (Бондаренко 1998; 2000), а еще более – концепция «эволюционных потоков» Х. Классена (Claessen 2000a; 2000b). В соответствии с последней вследствие ограниченности вариантов эффективного ответа на схожие проблемы обеспечения безопасности, организации производства и т. д., возникающие в различных «эволюционных потоках», во многих исторически не взаимосвязанных случаях могут сформироваться принципиально схожие (но не идентичные, а цивилизационно-, т. е. регионально-, специфичные) институты, в том числе присущие государству (Hallpike 1986; Крадин, Лынша 1995; Haas 2001; Feinman 2008). В то же время высока вероятность того, что ответы на существенные вопросы двух даже соседних (а тем более отдаленных друг от друга) обществ окажутся столь разными, что в итоге они пойдут принципиально различными эволюционными путями.

При этом едва ли верно вести речь и о некоем едином «европейском историческом опыте» в социально-политической сфере. Чтобы понять это, достаточно сравнить семантику слов, обозначающих политическую организацию в европейских языках. В части из них слово, обозначающее «государство», означает также «со-

стояние» (причем не только в романских и германских языках, в которых это слово прямо или опосредованно восходит к латинскому *status*, но и, например, в болгарском, боснийском, венгерском, польском, финском, чешском). В таком контексте государство представляется особым состоянием общества, в котором существует политическая власть и общество первично по отношению к ней. Напротив, в русском языке «государство» – производное от «государь», так что власть, а не общество видится основополагающей, доминирующей категорией: государство – это не общество, которому служит власть, но собственность государя, которому общество обязано нести службу (Kharkhordin 2001; Vondarenko 2006: 22). Не социальный, а политический аспект государства акцентирован и в его обозначениях в белорусском, македонском, сербском, украинском языках: *дзяржава*, *држава*, *держава*.

Мы полагаем, что европоцентризм теории государства обусловлен гораздо более широким явлением – тем фактом, что зрелая современная наука как таковая родилась в постсредневековой Европе как итог ее развития в древности и Средневековье. Современный научный метод мышления, включая антропологическую мысль, глубоко коренится в европейской традиции. Европейское интеллектуальное наследие более очевидно в общественных науках, но если бы могли существовать культурно-обусловленные варианты естественных наук, несомненно, велись бы дискуссии и о европоцентризме в физике или химии. Современная наука как способ познания мира по происхождению и сути – феномен европейский. В этом смысле все современные науки изначально были и всегда будут в той или иной мере евроцентричными. Именно обществоведы должны обращать на это особое внимание, но этот факт, по нашему убеждению, отнюдь не лишает смысла поиск универсальных критериев и определения государства, его места во всемирной социальной истории.

Литература

Белков, П. Л.

1993. Проблема генезиса государства: перерастает ли вожество в государство? В: Следзевский, И. В. (ред.), *Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки*. М.: ИАФР РАН, с. 29–40.

1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 165–187.

Беляев, Д. Д. 2000. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, с. 186–196.

Бондаренко, Д. М.

1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток* 1: 195–202.

2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, с. 198–206.

Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В. (ред.). 2002. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ЦЦРИ РАН.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс.

Гомеров, И. Н. 2002. *Государство и государственная власть*. М.: ЮКЕА.

Годинер, Э. С. 1991. Политическая антропология о происхождении государства. В: Козлов, С. Я., Пучков, П. И. (ред.), *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения*. М.: Наука, с. 51–77.

Грачев, Н. И. 2009. Происхождение суверенитета: верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало-М.

Гринин, Л. Е.

2006. Раннее государство и демократия. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, с. 337–386.

2007. *Государство и исторический процесс*: в 3 т. Т. 1. М.: КомКнига.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2009. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Гутнов, Ф. Х. 2002. *Ранние скифы: проблемы социальной истории*. Владикавказ: СОГУ.

Дождев, Д. В. 2002. Рим (VIII–II вв. до н. э.). В: Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В. (ред.), *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ЦЦРИ РАН, с. 275–305.

Кочакова, Н. Б.

1991. Вождество и раннее государство (подходы к изучению и сравнительный анализ). В: Ильин, Ю. М., Попов, В. А., Следзевский, И. В. (ред.), *Племя и государство в Африке*. М.: ИАФР РАН, с. 51–64.

1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 153–164.

Крадин, Н. Н.

1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра, с. 11–61.

2004. *Политическая антропология*. М.: Логос.

Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (ред.). 1995. *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.

Морган, Л. Г. 2012. *Древнее общество, или Исследование линий общественного прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. М.: ЛИБРОКОМ.

Мэйи, Г. С.

1873. *Древнее право. Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям*. СПб.: Кожанчиков.

1876. *Древнейшая история учреждений: Лекции*. СПб.: Знание.

Непомнин, О. Е. 2004. Азиатско-деспотическая система традиционного общества. В: Непомнин, О. Е. (ред.), *Alaica. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева*. М.: Вост. лит-ра, с. 67–96.

Фролов, Э. Д. 1988. *Рождение греческого полиса*. Л.: ЛГУ.

Энгельс, Ф. 1985. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. М.: Политиздат.

Abélès, M. 2000. État. In Bonte, P., Izard, M. (eds.), *Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie*. P.: Quadrige/Presses Universitaires de France, pp. 239–242.

Adams, R. McC. 2001. Complexity in Archaic States. *Journal of Anthropological Archaeology* 20: 345–360.

Anderson, D. G. 1997. The Role of Cahokia in the Evolution of South-eastern Mississippian Society. In Pauketat, T. R., Emerson, T. E. (eds.), *Cahokia Domination and Ideology in the Mississippian World*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, pp. 248–268.

Ardrey, R. 1966. *The Territorial Imperative: A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nation*. N. Y.: Atheneum.

Beetham, D. 1991. *The Legitimation of Power*. London: Macmillan.

Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V. 2001. Origins and Evolution of Chiefdoms. *Reviews in Anthropology* 30: 373–395.

Bondarenko, D. M.

2006. *Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th – 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga.

2008. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit. *Social Evolution and History* 7(1): 19–53.

Britan, G. M., Cohen, R. (eds.). 1983. *Hierarchy and Society. Anthropological Perspectives on Bureaucracy*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues Press.

Campbell, J. M. 1968. Territoriality among Ancient Hunters: Interpretations from Ethnography and Nature. In Meggers, B. J. (ed.), *Anthropological Archaeology in the Americas*. Washington: Anthropological Society of Washington, pp. 1–21.

Carneiro, R. L.

1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37–79.

1987. Cross-currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.

1998. What Happened at the Flashpoint? Conjectures on Chiefdom Formation at the Very Moment of Conception. In Redmond, E. M. (ed.), *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville: University Press of Florida, pp. 18–42.

2012. Answers to Critiques. *Social Evolution and History* 11(2): 131–190.

Casimir, M. J., Rao, A. (eds.). 1992. *Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics*, Oxford: Berg.

Chabal, P., Feinman, G., Skalniĳ, P. 2004. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Social Evolution and History* 3(1): 22–40.

Claessen, H. J. M.

1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen, H. J. M., Skalniĳ, P., *The Early State*, The Hague: Mouton, pp. 533–596.

1985. From Franks to France – The Evolution of a Political Organization. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey, pp. 196–218.

1987. Kings, Chiefs and Officials. *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 25/26: 203–241.

1994. Consensus and Coercion – Prerequisites for Government in Early States. *International Journal of Anthropology* 9: 41–51.

2000a. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS, pp. 1–11.

2000b. *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Leiden University.

2003. Aspects of Law and Order in Early State Societies. In Feldbrugge, F. J. M. (ed.), *The Law's Beginnings*. Leiden: Brill/Nijhoff, pp. 161–179.

2005. Early State Intricacies. *Social Evolution and History* 4(2): 151–158.

2008. Before *The Early State* and After: An Introduction. *Social Evolution and History* 7(1): 4–18.

Claessen, H. J. M., Hagesteijn, R. R., Velde, P. van de. 2008. Early State Today. *Social Evolution and History* 7(1): 245–265.

Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.). 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Cohen, R.

1978. Introduction. In Cohen, R., Service, E. R. (eds.), *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues Press, pp. 1–20.

1981. Evolution, Fission, and the Early State. In Claessen, H. J. M., Skalník, P. (eds.), *The Study of the State*. The Hague: Mouton, pp. 87–116.

Crevelde, M. van. 1999. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.

Diagne, P. 1970. Contribution à l'analyse des régimes et systèmes politiques traditionnels en Afrique de l'Ouest. *Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire (Sér. B)* 32: 845–887.

Diamond, J. 1997. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. N. Y.; London: Norton.

Diop, C. A. 1960. *L'Afrique Noire précoloniale. Étude comparée des systèmes politiques et sociaux de l'Europe et de l'Afrique Noire, de l'antiquité à la formation des états modernes*. Paris: Présence africaine.

Earle, T. K.

1978. *Economic and Social Organization of a Complex Chieftdom: The Halelea District, Kaua'i, Hawaii*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

1987. Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.

1991. The Evolution of Chieftdoms. In Earle, T. K. (ed.), *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–15.

1997. *How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory*. Stanford: Stanford University Press.

Eisenstadt, S. N. 1971. *Social Differentiation and Stratification*. Glenview; London: Scott, Foresman and Company.

Entrèves, A. P. d'. 1969. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. Oxford: Clarendon Press.

Feinman, G. M. 2008. Variability in States: Precursor of the State or Its Analogue? *Social Evolution and History* 7(1): 54–66.

Ferraro, G., Andreatta, S. 2011. *Cultural Anthropology: An Applied Perspective*. Wadsworth: Cengage Learning.

Flannery, K. V. 1972. The Cultural Evolution of Civilizations. *Annual Review of Ecology and Systematics* 3: 399–426.

Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. 1987. Introduction. In Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems*. London; N. Y.: KPI; International African Institute, pp. 1–24.

Fried, M. H.

1967. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. N. Y.: Random House.

1970. On the Evolution of Social Stratification and the State. In Laumann, E. O., Siegel, P. M., Hodge, R. W. (eds.), *The Logic of Social Hierarchies*. Chicago: Markham, pp. 684–695.

Fukuyama, F. 2011. *The Origins of Political Order*. London: Profile Books.

Geertz, C. 2004. What is a State If It Is Not a Sovereign? *Current Anthropology* 45: 577–585.

Glassner, J.-J. 2004. Du bon usage du concept de cite-État? *Journal des africanistes* 74: 35–45.

Gledhill, J. 1994. *Power and Its Disguises. Anthropological Perspectives on Politics*. London; Chicago: Pluto Press.

Godelier, M. 1982. *La Production des Grands Hommes*. Paris: Fayard.

Godelier, M., Strathern, M. (eds.). 1991. *Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.

Grinin, L. E. 2011. Complex Chieftdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Social Evolution and History* 10(1): 234–275.

Gunawardana, L. 2009. Despotism in the History of Civilizations. In Bondarenko, D. M., Kavykin, O. I. (eds.), *Fifth International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations". Abstracts*. Moscow: Institute for African Studies Press, pp. 70–71.

Haas, J.

1995. The Roads to Statehood. In: Kradin, N. N., Lynsha, V. A. (eds.), *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 16–18.

(ed.). 2001. *From Leaders to Rulers*. New York; Boston: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Hallpike, C. R. 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press.

Harlow, B., Carter, M. (eds.). 2003. *Archives of Empire*. Vol. 1. *From the East India Company to the Suez Canal*. Durham: Duke University Press.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.

Kapferer, B. 2012. *Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia*. Washington; London: Smithsonian Institution Press.

Kharkhordin, O. 2001. What Is the State? The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context. *History and Theory* 40: 206–240.

Kopytoff, I. (ed.). 1987. *The African Frontier: The Reproduction of Traditional African Societies*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

Kottak, C. P. 2002. *Cultural Anthropology*. Boston: McGraw-Hill.

Kradin, N. N.

2008. Early State Theory and the Evolution of Pastoral Nomads. *Social Evolution and History* 7(1): 107–130.

2009. State Origins in Anthropological Thought. *Social Evolution and History* 8(1): 25–51.

Kristiansen, K. 1998. *Europe before History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kurtz, D. V.

1991. Strategies of Legitimation and the Aztec State. In McGlynn, F., Tuden, A. (eds.), *Anthropological Approaches to Political Behavior*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 146–165.

2001. *Political Anthropology: Paradigms and Power*. Boulder; Oxford: Westview Press.

Lane, J.-E. 2008. *Comparative Politics: The Principal-Agent Perspective*. London: Routledge.

Launay, R. 2001. Montesquieu: The Specter of Despotism and the Origins of Comparative Law. In Riles, A. (ed.), *Rethinking the Masters of Comparative Law*. Oxford; Portland: Hart Publishing, pp. 22–38.

Lewis, I. M. 1999. *Arguments with Ethnography. Comparative Approaches to History, Politics and Religion*. London; New Brunswick: Athlone Press.

Lielukhine, D. N. 2002. Problem of the State and Its Criteria. In Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., Frantsouzoff, S. A. (eds.), *Second International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations."* Abstracts. Moscow: RAS, pp. 83–85.

Llobera, J. R. 2007. *An Invitation to Anthropology. The Structure, Evolution and Cultural Identity of Human Societies.* N. Y.; Oxford: Berghahn Books.

Mair, L.

1965. *An Introduction to Social Anthropology.* Oxford: Clarendon Press.

1970. *Primitive Government.* Baltimore: Penguin Books.

Malmberg, T. 1980. *Human Territoriality. Survey of Behavioral Territories in Man with Preliminary Analysis and Discussion of Meaning,* The Hague: Mouton.

Marcus, J., Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States.* Santa Fe: School of American Research, pp. 3–13.

McIntosh, S. K. 1999. Pathways to Complexity: An African Perspective. In McIntosh, S. K. (ed.), *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa.* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–30.

Milner, G. R. 1998. *The Cahokia Chiefdom: The Archaeology of a Mississippian Society.* Washington; London: Smithsonian Institution Press.

Murra, J. V. 1980. *The Economic Organization of the Inca State.* Greenwich: JAI Press.

Nustad, K. G. 2002. Explorations of the State: Considerations from Critical Anthropology/Ethnography, University of Oslo, 25–26 October, 2002. *European Association of Social Anthropologists Newsletter* 34: 3–4.

Oosten, J. G., Velde, P. van de. 1994. Constructing the Early State: The Rise of a Research Programme. In Bakel, M. van, Hagesteijn, R., Velde, P. van de (eds.), *Pivot Politics. Changing Cultural Identities in Early State Formation Processes.* Amsterdam: Het Spinhuis, pp. 7–21.

Pauketat, T. R. 1994. *The Ascent of Chiefs: Cahokia and Mississippian Politics in Native North America.* Tuscaloosa; London: University of Alabama Press.

Radcliffe-Brown, A. R. 1987. Foreword. In Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems* (pp. XI–XXIII). London; N. Y.: KPI; International African Institute.

Redmond, E. M. 1998. The Dynamics of Chieftaincy and the Development of Chiefdoms. In Redmond, E. M. (ed.), *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas.* Gainesville: University Press of Florida, pp. 1–17.

Reynolds, S. 1990. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300.* Oxford: Clarendon Press.

Roscoe, P. B. 1993. Practice and Political Centralisation. *Current Anthropology* 34: 111–124.

Roussel, D. 1976. *Tribu et cité: Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Paris: Plon.

Sahlins, M. D. 1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History* 5: 285–303.

Schurtz, H. 1902. *Alterklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft*. Berlin: Reimer.

Service, E. R.

1971. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. N. Y.: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. N. Y.: Norton.

1978. Classical and Modern Theories of the Origins of Government. In Cohen, R., Service, E. R. (eds.), *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues Press, pp. 21–34.

Skalník, P.

1978. The Early State as a Process. In Claessen, H. J. M., Skalník, P., *The Early State*. The Hague: Mouton, pp. 597–618.

1983. Questioning the Concept of the State in Indigenous Africa. *Social Dynamics* 9(2): 11–28.

1987. On the Inadequacy of the Concept of “Traditional State” (Illustrated by Ethnographic Material on Nanun, Ghana). *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 25–26: 301–325.

2002. Chiefdoms and Kingdoms in Africa: Why They are neither States nor Empires. URL: <http://asc.leidenuniv.nl/pdf/chiefdomsandkingdoms.pdf>.

Sneath, D. 2011. The Headless State in Inner Asia. In Rio, K. M., Smedal, O. H. (eds.), *Hierarchy. Persistence and Transformation in Social Formations*. Oxford: Berghahn Books, pp. 143–181.

Southall, A. 1991. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de (eds.), *Early State Economics*. New Brunswick: Transaction Publishers, pp. 75–96.

Spencer, C. S.

1998. A Mathematical Model of Primary State Formation. *Cultural Dynamics* 10: 5–20.

2003. War and Early State Formation in Oaxaca, Mexico. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA* 100: 11185–11187.

Spencer, C. S., Redmond, E. M. 2004. Primary State Formation in Mesoamerica. *Annual Review of Anthropology* 33: 173–199.

Stein, G. J. 1998. Heterogeneity, Power, and Political Economy: Some Current Research Issues in the Archaeology of Old World Complex Societies. *Journal of Archaeological Research* 6: 1–44.

Tainter, J. A. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanabe, A. 1996. Indigenous Power, Hierarchy and Dominance: State Formation in Orissa, India. In Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill, pp. 154–165.

Testart, A.

2004. *La servitude volontaire*. Paris: Editions Errance.

2005. *Éléments de classification des sociétés*. Paris: Editions Errance.

2012. Comment on R. L. Carneiro's Article on the Origin of the State: "The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation". *Social Evolution and History* 11(2): 105–109.

Trigger, B. G.

1985. Generalized Coercion and Inequality: The Basis of State Power in the Early Civilizations. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey, pp. 46–61.

2003. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tymowski, M.

1985. The Evolution of Primitive Political Organization from Extended Family to Early State. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey, pp. 183–195.

1987. The Early State and After in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to Their Development. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de (eds.), *Early State Dynamics*. Leiden: Brill, pp. 54–69.

2008. State and Tribe in the History of Medieval Europe and Black Africa – a Comparative Approach. *Social Evolution and History* 7(1): 171–197.

Vansina, J. 1992. Kings in Tropical Africa. In Beumers, E., Koloss, H.-J. (eds.), *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa*. Maastricht: Foundation Kings of Africa, pp. 19–26.

Vincent, A. 1987. *Theories of the State*. London: Blackwell.

Vliet, E. C. L. van der. 2005. *Polis*. The Problem of Statehood. *Social Evolution and History* 4(2): 120–150.

Weber, M. 1946. Politics as a Vocation. In Gerth, H. H., Mills, C. W. (transl. and eds.), *From Max Weber: Essays in Sociology*. N. Y.: Oxford University Press, pp. 77–128.

Winter, E. H. 1966. Territorial Groupings and Religion among the Iraqw. In Banton, M. (ed.), *Anthropological Approaches to the Study of Religion*. London: Tavistock, pp. 155–174.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.

Wright, H. T. 1977. Recent Research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.